

На правах рукописи

Сандстром Грегори

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ И УЧЕБНОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ В РОССИИ И КАНАДЕ**

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
2010

- 4 МАР 2010

Gregory Sandstrom

Работа выполнена на кафедре сравнительной социологии факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Резаев Андрей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Иванов Дмитрий Владиславович

кандидат социологических наук
Ащеулова Надежда Алексеевна

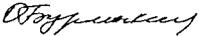
Ведущая организация: Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Защита состоится «22» марта 2010 г. в 14.30 часов на заседании объединенного
диссертационного совета ДМ 002.129.01 при Социологическом институте Российской
академии наук по адресу: 198005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14, ауд.
518.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Социологического
института Российской академии наук.

Автореферат разослан «20» февраля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

 Бурмыкина О.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В ситуации перемен в социально-экономической и политической жизни, а также в условиях культурной диверсификации социологические школы и традиции как в Канаде, так и в России сталкиваются с вызовами своей самобытности. Сопоставив представления и идеи этих двух источников, соискатель высветил нынешнюю ситуацию, развивающуюся в условиях «глобализации социологии». Каждая национальная социологическая традиция вносит свой вклад в научное общение, развернувшееся внутри ориентированной на человека науки и учебной дисциплины, называемой социологией.

Сравнительный анализ российской и канадской социологии науки способствует возможности построения глобальной социологической науки или, по крайней мере, помогает становлению всеобщего социологического подхода, имеющего отношение ко всем людям независимо от места их проживания. В работе анализируется история, методология и теория социологии, в центре внимания две страны – Россия и Канада, которые рассматриваются в качестве субъектов происходящего в социологической науке процесса глобализации. В нынешней ситуации «мирового экономического и финансового кризиса» общество находится в состоянии сумятицы и напряженности. Возможно ли тогда «глобальное общество»? Важно в таком случае предложить аутентичную, упорядоченную социологическую альтернативу развития социологии как науки и учебной дисциплины представлениям, доминирующим в профессиональной социологической среде так называемой «Большой Четвёрки» (Франции, Германии, США и Великобритании), а также выявить возможности сотрудничества между профессиональными социологами, представителями академического сообщества России и Канады в реализации будущих проектов.

В сегодняшней России происходит масштабная структурная перестройка в сфере высшего образования, что частично является результатом подписания страной Европейской Болонской декларации. Участие в Болонском процессе приведет к большей интеграции и адаптации России к системе европейского высшего образования и определения её места в нём. Вместе с тем, существуют внутренние национальные тенденции, отчасти связанные с поставленной гражданским обществом задачей «модернизации высшего образования», решение которой должно улучшить состояние общества в XXI веке. Однако преподаватели или исследователи в России в процессе реализации целей обучения остаются такими же, что и в Канаде и во всём мире. Процесс

обучения социологии и занятие ею как наукой являются частью проекта, демонстрирующего определённый подход к знанию, в рамках которого как студенты, так и преподаватели выполняют своё предназначение, стремясь понять окружающий мир природы, а также социальный, культурный, политический и экономический ландшафт, в котором они обитают.

Проблема исследования. Социология в своей современной форме развивается не по какой-либо единой парадигмы. Поэтому мы говорим, что это мультипарадигмальная область знания (В. Ядов, Дж. Ритцер), включающая в себя различные базовые темы, как в сходных, так и в различных социокультурных сферах или прилегающих к ним областях. Особенность современной социологии состоит в расширении области исследования; значительное внимание социологи стали уделять изучению информационной среды, массовых коммуникаций, процессам передачи знаний. Точно так же социология не фундирована лишь на «национальной» основе, не замыкается на сугубо национальные представления об общественных явлениях в существующих государствах. На использовании в исследовании этих двух подходов и построена данная работа.

Отправной точкой данного исследования является приверженность идее объединения социологических знаний в некую «разумную» всеобщность, являющуюся целостной характеристикой современного университетского или академического знания. Мы считаем, что существующая раздробленность социологического знания, происходящая в результате разделения научной работы и выделения специализированных областей, ведёт к отрицательным результатам в деле модернизации образования в соответствии с принципами нео-Просвещения. Последнее предполагает широкое распространение социологических знаний в глобальном мире, среди различных социальных групп в разных странах. Предназначение университетского образования – предлагать человечеству знание и обучение, которые могут быть гармонично объединены в нынешнем многообразном мире. Университет является «местом *обучения* универсальному *знанию*» (Дж.Г. Ньюман, 1999, с. XVII). Смысл понятия «университет», таким образом, содержит в себе «единство в многообразии». Особое положение социологии как науки и учебной дисциплины представляется актуальной темой научного исследования уже само по себе, но также и в связи с её взаимодействием с другими областями знания.

Степень изученности проблемы. В диссертационном исследовании анализ степени научной разработанности темы опирается на разнообразные источники. На протяжении ста лет своего существования социология в Канаде была предметом изучения различных исследователей. К ним относятся: Б. Блишен, Ф. Джонс, К. Нагель, Дж.

Портер, С. Кларк, Дж. Лоубзер, Р. Оссенбург, У. Манн, Дж. Куртис, Д. Коннор и Дж. Харп, Г. Раму и С. Джонсон, Л. Войлок, А.Т. Хедли и Т. Уарбуртон, Д. Кэмпбелл, Т.Г. Гинсберг и Г. Рейбур, Г. Раш, Е. Кристенсен и Дж. Малкомсон, У. Кэрролл, Р. Брим и Б. Фокс, К. Сеп-Пьер, Л. Макдональд, Г. Лаксер, Р. Леру, М. Эйхлер, М. Шор, Д. Нок, Г. Хиллер, М. Фоурнье, Р. Хелмс-Хайс, Дж. Джонстон. Совсем недавно Н. Маклоклин провёл исследование жизнеспособности социологии в англоязычной Канаде, рассматривая её с позиций настоящего и возможного будущего и отвечая на вопрос, возможна ли социология как наука в будущем. Несколько откликов на статью Маклоклина, помещённые в «Канадском Социологическом журнале», способствовали началу оживлённой дискуссии по этой теме, включая реакцию на эту публикацию Д. Баер, Б. Кертис и Л. Вейр, Р. Мерфи, Дж. Симпсон, Р. Сайди, Дж. Уоррен и М. Уайт. К числу более специальных исследований относятся работы Р. Мэтьюз, Дж. Стил, посвящённые канадским университетам, а также изучение Ж. Кормье особенностей движения «канадизации»; к последним же работам относится презентация Р. Накхай исследования гендерной тематики профессорами канадских университетов. Рассмотрение С. Польстером деятельности канадских исследовательских кафедр (Canada Research Chairs) стало основой для оценки инициатив федерального правительства по развитию науки и научных исследований, в том числе и в области социологии.

Список работ по изучению российской социологии также широк и включает в себя разнообразные монографии и статьи, рассматривающие проблемы возникновения, роста и развития этой науки. Используемые в настоящей работе тексты и материалы включают как классические, так и современные источники. К числу авторов, чьи работы признаны классическими в этой области, относятся П.А. Сорокин, М.М. Ковалевский, Н.А. Кареев; широко известны труды Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка и др., Ф.Г. Добржанского и Н. Тимашева. Более поздние работы – это публикации И.А. Голосенко и Р.П. Шпаковой. Тематика социологии науки представлена трудами С.А. Кугеля, И.А. Майзеля, И.И. Леймана, Д.М. Гвишиани, Ю.Г. Волкова, С.Р. Микулинского и Е.З. Мирской. Среди представителей современной русской социологической традиции упомянем С.С. Бразевича, А.О. Боронова, П.И. Смирнова, Ю.Н. Давыдова, П.П. Гайденко, М.К. Горшкова, Г.В. Осипова, В.А. Ядова, Г.С. Батыгина, Ж.Т. Тошченко, А.Г. Здравомыслова, И.С. Кона, Л.Д. Гудкова, С.Г. Кирдину, В.В. Василькову, Д.В. Иванова, Н.Г. Скворцова, Е.А. Кукушкину. Исследование последней, посвящённое развитию социологии в России, стало особенно важным в процессе освоения нами данной области знания. Среди важных специальных работ, посвящённых анализу высшего образования в России, выделим монографию А.В. Резаева, где детально проанализированы философские

основания, на которых строилось высшее образование в России с момента его возникновения, обозначены проблемные точки и перспективы развития социальных наук в системе российского высшего образования. Интерес представляет также работа проф. А.В. Резаева «Диверсификация российского высшего образования», оказавшаяся весьма полезной для понимания современного состояния высшей школы в России.

Ни в одной из названных работ как российских, так и канадских исследователей не проводился сравнительный анализ концептуальных построений и институций двух стран.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является социология в России и Канаде, эксплицируемая как наука и как учебная дисциплина. **Предметом** исследования является сравнительный анализ в концептуальном и институциональном аспектах социологии как науки и учебной дисциплины в России и Канаде.

Цель и задачи исследования. Цель работы – предложить аутентичную, упорядоченную социологическую альтернативу взглядам представителей так называемой «Большой Четвёрки» (Франции, Германии, США и Великобритании). Данное исследование выявляет возможности сотрудничества между социологами России и Канады в реализации будущих проектов и в целом ставит ряд актуальных вопросов. За рамки работы вынесены предложения по улучшению образовательных планов и программ, проведение количественно-статистических аналитических исследований или предложения по созданию нормативной структуры в области социологии для использования в местном, национальном или глобальном масштабе. Одна из целей нашей работы – привлечь внимание к нескольким поставленным задачам, что может способствовать поиску ответов на них и проведению дальнейших исследований:

1. Способствовать научной дискуссии между российской и канадской социологией.
2. Рассмотреть современную и классическую литературу по социологии как науке.
3. Выявить различия между научно-техническим и духовно-философским аспектами знания, проанализировав вклад М. Вебера в социологию как науку и учебную дисциплину.
4. Дать характеристику существующим парадигмам, крупным персоналиям и новым движениям в области мировой социологии.
5. Определить место и значение знаковых фигур в ориентированных на человека общественных науках Канады и России соответственно их влиянию на академическую составляющую социологии.
6. Сделать обзор истории развития социологии в России и Канаде, рассмотрев при этом ключевые концепции, влиятельные фигуры и современные институциональные структуры в университетском социологическом образовании двух стран.

7. Провести концептуальный анализ социологии науки как подструктуры в рамках более широкой сферы социологии в качестве примера того, чем является социология науки, рассматриваемая как «наука» и как «учебная дисциплина» в составе современного академического знания.

8. Прояснить важность социологии как практического инструмента в светском, поликонфессиональном и мультикультурном социальном пространствах России и Канады, сконцентрировав особое внимание на академических решениях, предлагаемых в обеих странах.

Теоретические и методологические основания исследования. Современное историко-теоретическое социологическое исследование вряд ли может использовать единую методологию научного поиска, оно опирается на целый ряд теоретико-методологических оснований, которые приспособлены для решения конкретных исследовательских задач. В работе использован широкий спектр методологического арсенала современной социологии, выводы и результаты сделаны посредством теоретико-методологическом инструментарии современной философии и методологии науки, социальной философии – от Маркса до герменевтических приемов и постструктуралистских гипотез.

В работе выполнен сравнительный анализ деятельности важных в истории социологии персоналий: российских и канадских, а также представителей других стран. Во второй главе для анализа структур социологических факультетов и кафедр в системах высшего образования России и Канады использован неинституциональный подход.

Выбранную в работе стратегию исследования можно рассматривать скорее как «системную» или «матричную», нежели как «историческую» или «последовательную». В этом смысле представленный текст не смоделирован в соответствии с устоявшимися «западными» образцами в духе «Истории западной философии» Б. Рассела, и работа, возможно, не будет понята, если её читать в рамках привычных подходов и представлений. Отметим при этом, что не всегда проводятся прямые сравнения между соответствующими структурами, институтами, персоналиями или концепциями российской и канадской социологии.

Гипотезы исследования. Существует два главных предположения, у каждого из которых есть аргументы в свою пользу. Первое: обучение и сам процесс занятия социологией как наукой и учебной дисциплиной нацелен на обнаружение единства в разнообразии и баланса между научно-техническим и духовно-философским знанием в обществе. Второе: социология стремится к тому, чтобы стать научным явлением, но она не является «чисто» научной там и тогда, где и когда она пересекается с иными

дисциплинами – другими общественными науками, естествознанием, философией, мировоззренческими науками или религией. Социология предлагает идеи и решения, которые приносят пользу людям в конкретной общественной среде и тогда, когда она наукообразна, а также тогда, когда она «не научна».

Эмпирическая база исследования. Поскольку до настоящего времени не проводилось сравнительного изучения канадской и российской социологии, обзор привлекаемой литературы включает тексты, написанные по данной теме в обеих странах, а также материалы, отражающие национальные традиции социологии. Затем выполнен сравнительный анализ объектов исследования. Большая часть этих материалов на английском языке, однако, сюда входят и русскоязычные тексты, переведённые на английский. Используются как база для исследования и российские публикации, которые не переводились на английский язык. Наконец, привлечено некоторое количество франкоязычных публикаций, обращение к которым было необходимым для анализа франко-канадской социологической литературы. Последняя представлена как важная область исследования, хотя проанализирована здесь не столь подробно.

Непосредственное и активное участие автора на протяжении всех четырёх лет пребывания в Санкт-Петербурге в жизни социологического сообщества города как в рамках организаций – СПбГУ, Европейского университета, Смольного колледжа свободных искусств и наук, Центра независимых социологических исследований, Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, так и в пределах конференций, семинаров, лекций, заседаний кафедр, научных советов и других мероприятий и событий, *дало* возможность получить представление о функционировании и развитии социологии в России.

Наконец, с российскими учёными – представителями естественных и гуманитарных наук – было проведено восемь углублённых интервью на тему нынешнего положения науки в России, что явилось частью выполненных полевых исследований, и хотя последние не составляют ядро исследовательской базы работы, они способствуют получению итоговых результатов.

Научная новизна работы:

1. Впервые устанавливаются общие перспективы российской и канадской социологии, что дополняет всеобщие представления в этой области знания, сближает их по отношению друг к другу, и в то же время отделяет от взглядов, присущих «Большой Четвёрке».
2. Сравняется понимание социологии в странах «Большой Четвёрки», представляющее собой концептуальное ядро мировой социологии. Вместе с тем

впервые рассматриваются в единстве российские и канадские альтернативные национальные традиции в этой области знания с целью определения их суверенного вклада в социологию

3. Выясняется способ преодоления разрыва между англо-американскими и германо-российскими традициям в современной академической сфере. Это становится возможным, если к гуманитарным и общественным наукам привлекать внимание в большей степени, чем к естественным наукам.
4. Предлагается оригинальная платформа, на которой российская социология может вновь войти в состав мировой социологии, или эта последняя - выказать дань уважения российским традициям, что будет способствовать лучшему пониманию коллегами тех трудных времён, которые пережила российская социология в прошлом веке.
5. Утверждается, что социология является суверенной академической областью в рамках гуманитарно-социальных наук, а также ценным научным инструментом для понимания общества, даже если не рассматривается в качестве «научной», в ситуации доминирования естественно-физических стандартов «научности».
6. Канадская социология представляется как «тяготеющая к равновесию / балансу» наука и академическая дисциплина в том смысле, что она сочетает историко-компаративистские и интерпретационные характеристики с идеями эмпирической изменчивости.
7. Выявляется взаимосвязь и преемственность традиций российского науковедения начала XX века, а также возрождающейся социологии науки конца XX – начала XXI веков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение социологии как науки и учебной дисциплины при компаративистских исследованиях неизбежно включает в себя непосредственное участие в полевой работе (сборе на местах статистических данных), т.е. применение рефлексивной методологии для изучения общественных организмов и индивидуумов.
2. Анализ духовно-философского знания будет способствовать процессу выделения российской и канадской социологической науки из совокупности других национальных традиций, а также поможет выявить, что утеряно или приобретено в сегодняшнем университетском социологическом образовании, если научно-техническое знание становится доминантой в сравнении с духовно-философским знанием.

3. Предположение, что социология не всегда научна, не подвергает сомнению её суверенитет как области знания. Однако утверждение, что социология не обладает суверенитетом в собственной сфере исследования, наглядно показывает, что автор таких взглядов либо не социолог, либо представитель антисоциологического направления.
4. Канадская и российская социология являются собой уникальное сочетание концепций, институтов и персоналий, несущее в себе как консервативные, так и либеральные идеи, широко известные положения и находящиеся в забвении, континентальные и аналитические, ориентированные на Запад и на Восток, эмпирические и герменевтические. Это приводит к появлению иных *мировоззренческих* позиций, отличных от традиций представителей «Большой Четвёрки».
5. Концептуальное и институциональное развитие в России и Канаде социологии как науки и академической дисциплины требует большего внимания к известным личностям из прилегающих областей знания, таким как Г. Альтшуллер, Г. Шедровицкий, Ф. Добржанский, Г. Грант, Х. Иннис и М. Маклюэн. Это может послужить развитию прикладной социологии и определению ею своего места в системе гуманитарно-общественного научного знания.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на российских и международных конференциях: «Социологическая эпистемология и методология в XXI веке». Первые Ковалевские чтения, Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 16-17 ноября 2006; «Макс Вебер, проблемы рациональности и России». Институт Александери, Университет Хельсинки, **Финляндии**, 3-4 мая 2007; «Кто выиграл научную революцию?» Институт исследования природы (ISN). Массачусеттский технологический институт (М.И.Т.), Бостон, **США**, 9-13 июня 2008; «Социологическое исследование и общественные дебаты». Первый форум Международной Социологической ассоциации. Барселона, **Испания**, 5-7 сентября 2008; «Россия и Канада: различные континенты и общие вызовы». 9-ая российская ассоциация двухлетней Международной конференции канадских исследований. Санкт-Петербург, **Россия**, 25-27 сентября 2008; Всероссийский Социологический конгресс. Москва, **Россия**, 22-25 октября 2008; «Наука в 21-ом столетии: смена поколений». Международная школа социологии науки и техники, Санкт-Петербургский Филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Санкт-Петербург, **Россия**, 17-19 ноября 2008; «Либерализация исследований в науке и технике: изучение научной политики».

Международная конференция, Индийский технологический институт, Канпур, Индия, 4-6 февраля 2000; «Питирим А. Сорокин и современные проблемы социологии». Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 16-17 апреля 2009.

Теоретическая и практическая значимость заключается в возможности более глубокого понимания развития социологии как науки и учебной дисциплины в России и Канаде и в предложении упорядоченной социологической альтернативы взглядам представителей ведущих социологических стран. Диссертационное исследование выявило возможности сотрудничества между российскими и канадскими социологами в реализации будущих научных проектов.

Полученные соискателем результаты стали теоретической и методологической базой для докладов, с которыми автор выступил на девяти научных конференциях. В период обучения в аспирантуре соискатель, опираясь на результаты диссертационного исследования, прочел магистрам факультета социологии курс «Глобальная социология». В дальнейшем материалы работы диссертанта могут быть использованы в курсах по истории социологии, по социологии науки и др.

Структура и объем диссертационной работы:

Диссертация, изложенная на 163 страницах машинописного текста, состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 262 наименований, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение. Во введении прописываются актуальность исследования, степень разработанности темы исследования, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи, выдвигаются гипотезы, описываются теоретические и методологические основания исследования, а также эмпирическая база, формулируется новизна и основные положения, выносимые автором на защиту.

В главе 1 «**Теоретические и методологические подходы к преподаванию и изучению социологии как науки и учебной дисциплины**» рассматривается социология как наука. Также в данной главе проводится анализ подходов, которые когда-либо применялись при изучении данной темы.

В разделе 1.1 «**Обучение и изучение социологии**» анализируется понятие социологии, которая преподается в высших учебных заведениях. Рассматриваются два подхода: с одной стороны, обсуждается идея социологии как науки, с другой стороны, анализируется философия социологии. В данном параграфе подчеркивается, что социология преподается и практикуется профессорами в университетах и как наука, и как

учебная дисциплина. Другими словами, в процессе обучения социология предстает как совокупное знание, соединяющее в себе и научную, и учебную компоненты.

В параграфе 1.1.1 «Социология как наука» поднята проблема научного статуса социологии. Основным спорным вопросом выступает проблема значения социологии как науки и учебной дисциплины от О. Конта до нашего времени. Прежде всего, в этом параграфе автор рассматривает два типа социологии: позитивистская и рефлексивная. Идея позитивистской социологии развиваются в работах О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера, хотя социологию Вебера можно рассматривать как переходную от позитивистской социологии к рефлексивной с ее интерпретирующим (*verstehen*) подходом. Рефлексивная социология выступает на первый план в трудах А. Гюлденера, Э. Гидденса и М. Буравого, она рассматривается как современная альтернатива позитивизму. Данный вид социологии «бросает вызов» её позитивистскому основанию со времени О. Конта и включает на настоящем этапе своего развития новое рефлексивное основание, которое может выступить двигателем социологии новой эпохи, «сбрасывающей с себя» давление естественнонаучных методов.

Современные гуманитарии и обществоведы отмечают, что различные определения науки позволяют по-разному определить содержание их научной области. Некоторые (например, В. Василькова) рассматривают социологию как интегральную, синтетическую и междисциплинарную область, и именно этот подход является моделью в настоящей диссертационной работе. В диссертации социология анализируется также в рамках современной концепции высшего образования, в соответствии с которой рассматривается ее роль как «карты знания» или «карты науки» (формирующей «научную картину мира»). Тема социологии как науки и учебной дисциплины (СНУД) придаёт новый импульс исследованиям в данной области, поскольку позволяет «демаркировать» научную и «ненаучную» составляющие академической социологии. Независимость социологии от естественнонаучных методов и неизбежность использования телеологического языка, применения которого требует область исследования, обеспечивают новую легитимность социологии как науки и учебной дисциплины. Включение телеологического языка дает возможность включить в предмет социологии не только средства и цели, но также идею «двойного интерпретационного (герменевтического)» подхода.

В параграфе 1.1.2 «Наука и философия социологии» научная и учебная области социологии представлены на основе подхода М. Вебера, изложенного в статье «Наука как призвание и профессия» (1919 г.). Статья М. Вебера не только устанавливает рамки и подтверждает «научность» («scientificity») социологии, но также идентифицирует опасность «сайентизма» («scientism»), который ведёт к «расколдовыванию мира».

Желание М. Вебера найти границы и ограничения роли науки в контексте «профессии», допускает для социологов возможность последовать за их научным «призванием» независимо от естественнонаучных методологий. Необходимость предположений, которая, как указывает Вебер, лежит в основе открытой коммуникации, означает, что идеология исследования, его гипотезы и предпосылки должны быть обозначены и предъявлены. При этом натурализм и материализм рассматриваются как излишние, в некоторых случаях - как допущения, без которых может быть выполнена хорошая научная работа по социологии.

В этом параграфе автор выдвигает на первый план различие между научно-техническим и философским знанием в высшей школе. Отказ от научного редукционизма «шагает бок о бок» с легитимной оценкой интуитивных, основанных на вере экстра-рациональных идей, высказанных П. Сорокиным. Как наука, социология обязана давать эмпирические и/или количественные результаты. Кроме того, социология обязана включать в свой предмет всю целостность человеческих взаимодействий и идей, что означает склонность социологии к поиску или, по крайней мере, желанию жизни в «очарованном» мире. Не существует никакого идеологического давления на кого-либо, чтобы поверить в одну вещь вместо другой. Как бы то ни было, обучая студентов осознавать смысл философского знания, высшая школа охраняет себя против «равнодушия» и «недостатка ценностей» и наделяет студентов рефлексивным мышлением по поводу важных вопросов бытия. В этом же контексте уместно рассмотреть и идею социологических антиэволюционных или неэволюционных теорий, потому что эти теории стремятся защитить «статические» или «неизменные» компоненты обществ, которые предполагают стабильность и безопасность, особенно во времена радикальных социальных преобразований.

В разделе 1.2 «Современная социология в глобальном масштабе» автор расширяет рамки исследования и включает конкретный анализ объекта. Основной момент – попытка расширить рамки дисциплины социологии, включив в эти рамки анализ практики использования социологических методов и теории в различных частях мира и разными акторами. В этой связи освещены четыре национальные социологические традиции и проанализированы взгляды трех крупнейших социологических фигур современности – М. Буравого, С. Фуллера и П. Штомпки.

В параграфе 1.2.1 «Социология «Большой Четвёрки» – символ глобальной социологии» вкратце представлены главные акторы в современной глобальной социологии. Американцы, французы, немцы и англичане рассматриваются как «Большая Четвёрка», то есть нации, которые внесли самый большой вклад в развитие социологии в

современном глобальном мире. Также признаётся вклад нескольких акторов, не входящих в состав «Большой Четвёрки». В частности, отмечается, что вклад русских и канадцев существенно вырос по сравнению с акторами «Большой Четвёрки» на мировой арене. Данный вывод делается на основе данных, приведенных в списке Международной социологической ассоциации (МСА) «100 книг столетия».

В параграфе 1.2.2 «**Наступающая многополярность современной глобальной социологии**» диссертант анализирует новые движения, фигуры и парадигмы в области исследования. Социологические идеи, которые рождаются за пределами национальных традиций, создают возможности для интернационализации предметной области. Аналогично можно рассматривать и новую программу по «глобальной социологии» в Санкт-Петербургском государственном университете, которая включает задачу анализа как восточных, так и западных обществ и перспективы их развития. Очень важны для развития внутри страны уникальной профессиональной социологической школы рекомендации М. Буравого, которые он дал во время посещения Санкт-Петербурга в 2007 году. Буравой считает, что социология становится более многосторонней. Он говорит о тенденции разрыва национальной традиции развития социологии с моделью, просто копирующей линию развития акторов «Большой Четвёрки».

В параграфе 1.2.3 «**Передний край**» в **глобальной социологии**» представлены три существенные фигуры в современной социологии. Во-первых, подробно проанализированы взгляды М. Буравого. Типологическое различие социологии, по М. Буравому, включает в себя четыре ветви: профессиональную, критическую, политическую и публичную (общественную). Последний тип общественной социологии он, в частности, интерпретирует как возможность применения данного типа социологии в российской ситуации сегодня. С одной стороны, важным является понятие диалога ученых и академиков с «публикой», то есть с гражданским обществом. С другой стороны, политизация социологии особенно опасна в России, в свете предыдущих негативных отношений власти с социологической наукой и возможности сильного контроля науки и идеологии со стороны государства.

Во-вторых, проанализирована работа С. Фуллера «Новое социологическое воображение» (2006). Она обсуждается в свете так называемого «биологического вызова общественным наукам». Основное в подходе Фуллера – защита «гуманности» как центрального основного ядра общественных наук. Проект Фуллера осуществляется через установление независимости социологии от биологии и других естественных наук, он реализуется путём разрыва с дарвинистской идеологией, которая ведёт, по мнению Фуллера, к «дегуманизации» человеческого существования. Его идея *universitas (Lat.)* –

это пример человеческого «самоформирования», что дает ему твердое основание для возвращения к обсуждению «социализма» и монотеистических религий, которые содержат самые значимые проявления того, что Фуллер называет «антропическим мировоззрением», в отличие от «кармического мировоззрения».

В-третьих, рассматривается социология повседневной жизни, или «третья социология», П. Штомпки, где поднимается проблема связи области исследования с повседневной жизнью людей. Оттолкнувшись от «системного подхода» и от «человеческого поведения и действия» как первичных категорий, Штомпка формирует синтетический подход по отношению к двум названным подходам, создавая новую исследовательскую программу изучения социальной действительности. Главным объектом внимания для социологов становятся привычные и рутинные черты повседневной жизни людей. Это также помогает социологии как науке и учебной дисциплине регулярно взаимодействовать с людьми на уровне, который делает возможной более эффективную коммуникацию. Пока, естественно, трудно оценить, насколько популярен этот новый подход в современной социологии.

Заключительный параграф первой главы 1.3 – «Российское и канадское социологическое воображение». Идея заключается в том, чтобы рассмотреть некоторые отличительные черты социологии в России и Канаде сквозь призму анализа действий ключевых акторов и агентов.

В параграфе 1.3.1. «Социология в 21-ом веке в Канаде» показано, что в этой стране социологические отделения включены в состав *гуманитарных факультетов* (Faculties of Arts), отделение *социологии не является частью естественнонаучных факультетов*. Затем обсуждается предложение крупного канадского современного социолога Н. Макклоклина о социологии как «невозможной науки для Канады» («Canada's Impossible Science: The Coming Crisis of Anglo-Canadian Sociology»). Рассматриваются особенности социологических отделений при канадских университетах. Данная дискуссия затрагивает проблему суверенности Канады как нации. Также обсуждается деятельность нескольких канадских обществоведов, являющихся в настоящее время активными учеными в глобальном масштабе.

В рамках отмеченной проблемы, «движение канадизации (Canadianization)», начало которому было положено в 1970-ых годах, рассматривается как пример защиты суверенитета внутренней государственной традиции, когда складывается ситуация внешней угрозы или ограничения действий. Канадская ассоциация социологии и антропологии (КАСА) поддерживает это движение, придавая ему тем самым легитимность и способствуя дальнейшим исследованиям в глобальном социологическом

масштабе. Подобным образом канадская программа «Canada Research Chair» по поддержке крупнейших научных лидеров, финансируемая Федеральным правительством, активно обсуждается как стимул для развития канадского варианта, включая социологию. Во второй главе автор приводит ещё несколько примеров уникальности Канады; тем самым предлагается попытка обеспечить доказательствами оценку вклада Канады в развитие мировой социологии.

Параграф 1.3.2 ставит вопрос: **«Является ли возвращение социологии в Россию победоносным?»**. Параграф начинается с краткого анализа «возвращения» в систему высшего образования и другие институты в России социологии, объявленной «буржуазной» наукой» и запрещенной по этой причине в советское время. Затем обсуждается фрагментация или диверсификация в российской социологии сегодня, которая определяется автором как полипарадигматическая (poly-paradigmatic). «Чекистские» и «реформистские» (М.К. Горшков) течения отмечены отдельно в связи с их ролью в дискурсе о научном и академическом статусе социологии в России, в том числе в рамках отношений социологии с государством и рынком. Дополнительно диссертантом предложено понятие «идеологического вакуума» для описания области, которой ещё предстоит стать ядром социологии в России как альтернативе марксизму-ленинизму.

Научность («scientificity») социологии рассматривается через призму анализа российских концептов «ученого» («scientist and scholar») и «науки» («sciences»). В данном случае рассматриваются отношения между социологией и антропологией в России, их взаимодействие характеризуется как определяющая черта социологической дисциплины. Отношения социологии с религией или мировоззрением (*weltanschauung*) также являют собой пример уникальной конфигурации междисциплинарности в российской науке. Студенческие выступления в Московском государственном университете (2007) служат не только примером социологии, находящейся в состоянии внутренней революции, но и символом того, что социологическая дисциплина в России находится в стадии поиска новых способов существования, которые отличаются от старых идей и форм. Наконец, теория институциональных матриц (ТИМ) С. Кирдиной представлена как попытка сбалансировать восточные и западные модели в социологии. Эта теория – пример национального знания, полезного для использования в межнациональном и глобальном масштабе.

Параграф 1.3.3 возвращает к теме **«Роль канадских ученых в мировой общественной мысли»**. На первый план выходит освещение работ трёх ученых, каждый из которых способствовал значительному развитию своей предметной области. Во-первых, экономист, историк и обществовед Г. Иннис в работе характеризуется как лояльный

канадский ученый, который посетил СССР в 1945 году и после возвращения в Канаду основал новое научное направление, посвященное изучению коммуникации. Г. Иннис был одним из основателей очень влиятельной «торонтовской школы коммуникации». Его размышления о России и об университетах и цивилизациях делают Инниса ключевой фигурой при рассмотрении вопроса налаживания связей между двумя нациями. Иннис полагал, что Россия и Канада имеют много общих черт, что позволяет учиться друг у друга в глобализирующемся мире.

Во-вторых, социальный и политический философ Г. Грант также привлекает внимание к идее университетов и к понятию «мультиверситет» (большой университетский центр с множеством институтов) («multiversity»). Он обращает внимание на проблемы фрагментации, разнообразия и специализации в современном высшем образовании. Грант сокрушается по поводу снижения интереса к философии в высшей школе и подчеркивает важность обществоведческих наук в формировании необходимого баланса знаний с целью компенсировать высокую концентрацию прикладных и естественных наук. В представлении учёного философско-духовное знание необходимо как дополнение к научно-техническому знанию. Взгляды Гранта реализованы в настоящей диссертационной работе. Тем самым показано, как социология может развиваться не только как наука, но и философия.

В-третьих, культуролог и теоретик СМИ М. Маклюэн поднимает проблему значимости коммуникации и культуры в гуманитарных и общественных науках. Он полагает, что социология, как и другие науки этой группы, должна обеспечивать трансляцию идей, которые помогут людям лучше понимать друг друга. Он обращается к вызовам современного образования, где диалог между преподавателями и студентами, между учеными разных поколений призван заменить монолог устаревшей «схоластической традиции». Понятие «информации» является важнейшим в подходе Маклюэна, который поддерживает идею, что требуется не только позитивное знание, но также и рефлексивное знание, помогающее студентам понимать свои отношения с внешней средой или академической средой, откуда они черпают новые идеи и подходы.

Параграф 1.3.4 «Социология России и Канады: эхо голосов во всем мире» освещает роль российских (советских) и канадских социологов в мировой общественной мысли. Во-первых, отмечен Г.П. Щедровицкий, который признан во всём мире за его работы по методологии. Хотя Щедровицкий не являлся социологом по профессии, его междисциплинарный подход к жизнедеятельности людей рассматривается как потенциальная модель для ученых-обществоведов во всём мире. В том же ряду рассматривается Г.С. Альтшуллер и «теория решения изобретательских задач» (ТРИЗ),

которая получила известность в мире в связи с ее применением в технологическом прогрессе. Признание достижений Альтшуллера рассматривается в контексте информации об уникальных примерах из истории культурных взаимосвязей России и Канады.

В заключительной части параграфа автор развивает идею о том, что Маклюэн имел возможность стать «Марксом 21-ого столетия»; эту идею автор представил на конференциях в Москве и Санкт-Петербурге во время работы над диссертацией. Данный тезис обсуждается в контексте «поворота» теории коммуникации и фокусировании на языке информации и СМИ в большей степени, чем на экономике и политике. Маклюэн цитируется здесь как автор, использующий междисциплинарные исследования; его идеи также развиваются в диссертации. Маклюэн предстает как исследователь, который рассматривал образование как процесс самопонимания и роста во внешней среде, опосредованный новыми технологиями. Маклюэн выступает сторонником единства в разнообразии, где естественно-физические и гуманитарно-общественные науки наряду с философией и теологией (или мировоззрением) могут или быть объединены, или, по крайней мере, работать сообща.

В заключении к первой главе обозначены две главных угрозы преподаванию и практической реализации социологии. Во-первых, понятие «образование как бизнес», которое, как полагают, является гиперкапиталистическим представлением об образовании, и не рассматривается в качестве подходящего пути развития ни в России, ни в Канаде. Во-вторых, понятие «эволюционизма» как универсальной идеологии. Эта идеология несёт в себе угрозу независимости социологии как науки и учебной дисциплины, сводит ее к редукционизму, при котором происходит обращение к «лиuzziim» категориям биологии и экологии, неприемлимым для анализа социальных отношений. Альтернатива такому представлению предлагается российской традицией. Это делает возможным ситуацию, когда российская и канадская социология, объединившись, могут представить такое понимание предметной области социологии, в котором достигается баланс между научно-техническим и философско-духовным знанием.

В главе 2 рассматривается «Исторический подход к социологии как науки и учебной дисциплины в России и Канаде». В этой главе говорится о частичном совпадении дисциплин в системе образования и о взаимосвязи между такими областями, как психология, гуманитарно-социологические науки, философия и теология (или атеизм). В данной главе развивается идея междисциплинарности и представление о том, что социологические науки в России и Канаде находятся в достаточно выгодном положении,

чтобы встать во главе или, по крайней мере, внести существенный вклад в процесс глобализации социологии.

Первый параграф 2.1 называется **«Ранние условия развития социологии в России и Канаде»**. В нем в общих чертах прослеживается стремление социологии стать научной дисциплиной в высшем образовании. При этом на первый план выдвигается социология как наука, практикуемая в русских и канадских университетах.

Параграф 2.1.1 начинается с введения в историческую тему, **«Россия и Канада – контекст диссертации»**. На первый план выдвигается специфический вклад, который обе страны вносят в международные отношения, а также некоторые особенности внутренней ситуации. Формулируются претензии к тексту М. Вебера «Наука как призвание» по вопросу о воображаемом «нейтралитете» науки. Кроме того, анализируются понятия, связанные с функционированием Интернета, а также понятия человеческой науки, междисциплинарности, наукообразия и заботы, которую ученые должны связать с понятием человеческой природы («human nature»). Для анализа предлагаются воззрения П.А.Сорокина, который является одной из ключевых фигур в диссертации.

Параграф 2.1.2 называется **«Краткая история русской социологии»**. Здесь представлены первые четыре исторические стадии развития русской социологии, с упоминанием пятой (советский период) и текущей шестой стадии. В параграфе продемонстрирована социология П. Сорокина в многообразии ее форм. Сюда также включен анализ его личного путешествия. Сорокин позиционируется как самый известный и выдающийся русский социолог. Его подход, включающий в себя много стилей, например, эмпирический и позитивный, был подвержен политическим и религиозным влияниям. Помимо Сорокина, в параграфе рассказывается о Н. Тимашеве как о примере русского социолога, известного на Западе благодаря его социологии права.

Что касается советской социологической традиции, то здесь Н. Бухарин представлен как защитник диалектического материализма в социологии, который, в конце концов, пришел к выводу, что социология как наука может и должна быть планомерной. Его точка зрения является антитезой тому, что предлагается в данной работе. Позиция Н.Бухарина – это редукционистский подход, следующий за теорией Маркса. Наша точка зрения холистична: мы рассматриваем взаимодействие науки с философией и теологией (или атеизмом) и, опираясь на идеи М. Маклюэна, сосредоточиваемся на проблеме коммуникации.

Параграф 2.1.3 представляет в свою очередь **«Краткую историю канадской социологии»**. В параграфе прослеживается зарождение гуманитарно-социологической научной мысли в Канаде. Здесь анализируется шотландское, американское и британское

влияние, а также собственные достижения франко-канадской социологической мысли. В параграфе рассматривается как версия С.Д. Кларка о происхождении канадской социологии (1925), так и взгляды К. Доусона на социологию как специализированную науку (1940).

В параграфе показано противопоставление политической экономии и социологии в Канаде. Дается объяснение отсутствия Канадской Академии наук. Вместо этого была учреждена в соответствии с европейскими традициями Франко-Канадская Академия развития науки. Таким образом, Франко-Канадская Академия развития науки представляет собой особый и уникальный феномен в социологической традиции Северной Америки.

Параграф 2.1.4 **«Канадцы и русские в состоянии говорить глобально»** начинается с замечания, что и русские, и канадцы разделяют общую точку зрения о необходимости стать независимыми от Соединенных Штатов Америки в отношении социологических взглядов. Идеи Дж. Портера и его «Вертикальная Мозаика» (1965) рассматриваются как неамериканский подход к мультикультурализму. Как результат таких особых неамериканских достижений, канадская социология, по утверждению Н. Маклоклина, занимает уникальное место на всемирной арене, благодаря тому, что она «была придумана на границах Американской империи» (2005). Общая традиция, которая есть у русских и канадцев, – это ресурсный подход к экономике и обществу. Этот термин придуман Г. Иннисом и фокусируется на природной сырьевой базе, которая наполняет социальный ландшафт. Зависимость России, и Канады от природных ресурсов (меха, рыба, нефть, природные ископаемые, вода и т.д.) усиливает сходство между странами в отношении того, какому влиянию подвергается общество и как оно развивается.

Раздел 2.2 озаглавлен **«Социология в России и Канаде: университет как новая институциональная форма»**. В разделе идет речь об особенностях институциональной формы высшей школы как в России, так и в Канаде.

В параграфе 2.2.1 **«Институциональный характер российской и канадской социологии»** сравнивается Российская академия наук, делающая основной упор на исследования, с организацией науки в Канаде. РАН как система была продублирована в странах Восточной Европы, в результате чего в этих странах иная структура высшего образования. Данный пример ясно показывает разницу между исследовательской деятельностью и преподаванием, а также разницу наполнения социологии как науки и социологии как учебной дисциплины. Этот пример также демонстрирует отношения между государственным и частным секторами образовательных и исследовательских учреждений. Анализируется система высшего образования и научных исследований

России и Канады на материале реально действующих факультетов, кафедр и программ в области социологии.

Параграф 2.2.2 открывается темой «Социология науки в России, Канаде и в мире», предоставляющей краткий обзор этой поддисциплины. Представлена краткая история социологии науки в России, включающая истоки дисциплины (науковедение). Развитие науковедения прекратилось в России в 1920-х, когда Сорокин покинул страну. Оно продолжилось в Америке благодаря усилиям Р. Мертона и его последователей, а затем возобновилось в России в измененном виде в 1960-х и продолжается до наших дней. Кафедра истории и социологии науки в Монреале, возглавляемая И. Гинграс, является ярким примером общности взглядов на значение науки для развития общества и индивидуальности в России и Канаде. Затем в разделе затрагивается вопрос о значении социологии науки и называются ключевые фигуры, действовавшие, прежде всего, в России. Оцениваются возможности распространения глобального дискурса социологии науки и как науки, и как академической дисциплины (ознакомительные обзоры, публикации, цитат-индексы, научные школы, конференции, презентации, академическое кураторство, встречи на кафедрах и факультетах и т.д.), а также вопрос о том, как социология науки формулирует идею рефлексии науки.

В параграфе 2.2.3 «Социология в России в секулярную поликонфессиональную эру» рассматриваются условия обучения, изучения и практики социологии. Особое внимание уделяется недавно предложенному для школ курсу «Основы православной культуры».

Ситуация в России коренным образом отличается от ситуации в Канаде, где секуляризация общества и культуры является нормой. В России же перспективы клерикализации общества значительно воздействуют на условия формирования молодых социологов. Историческая связь России с православным христианством рассматривается со времен крещения Владимира (988) вплоть до сегодняшнего постсоветского общества. Если не следовать западным путем секуляризации и, в то же самое время настаивать на официальной государственной поликонфессиональной политике, то диалог между религиозной и общемировой перспективами требует большей открытости и честности.

Введение в 2009 в государственных школах Москвы и Санкт-Петербурга курсов православной культуры показывает, что правительство признает их необходимость. Понимание того, что гуманитарные и общественные науки отличаются преданностью телеологии, приходит вместе с призывом к диалогу между наукой, философией и теологией (или атеизмом), способствуя синтезу или, по крайней мере, принятию альтернативных точек зрения.

Последний параграф 2.2.4 говорит о «**Разумных приспособлениях**» («reasonable accommodations» / «accommodements raisonnables») как о специфически канадском вкладе в гуманитарную научную мысль. В разделе пристальное внимание обращается на недавнее заседание Комиссии Тейлора-Бушарда, касающееся взаимоотношений между меньшинствами мигрантов в провинции Квебек в отношении языка, культуры и религиозных прав. Данная Комиссия примечательна своим посредническим потенциалом и готовностью прислушаться к голосам меньшинств.

Недавно появившаяся работа Ч. Тэйлора «Секулярная эра» является своего рода вызовом тому пути, по которому пошла наука в 21-м веке. Устаревшая позиция Вебера о неизбежности «расколдовывания» несостоятельна. Что изменилось, так это условия веры: человек сегодня может быть и ученым и верующим без всяких противоречий. Такая позиция подчеркивает тезис диссертации о том, что междисциплинарный диалог между наукой, философией и религией возможен и желателен.

Далее, русская идея «**соборности**» выступает в качестве вызова западной науке и образованию и являет собой способ услышать голоса, которые западными представителями обычно игнорируются, но которые важны сами по себе. Концепция, изложенная Н. Бердяевым в «Русской идее» (1947), представляет этого мыслителя и как защитника идеи соборности и как человека, пытавшегося донести содержание этой идеи до представителей западного мира. Даже если он и не преуспел в распространении своих идей, важность его попыток никак не умаляется.

Заключение. Диссертация сфокусирована на концептуальной и институциональной истории, методологии и теории социологии в России и Канаде. Полученные результаты позволят провести в дальнейшем академические исследования в этой области, что создаст возможность глубже проанализировать связи между социологическими «школами» России и Канады, а также специфические «невидимые сети» социологов и отношения между учеными в различных институтах двух самых больших в географическом отношении держав.

Россия и Канада сейчас переживают период неуверенности в настоящем и будущем социологии как науки и учебной дисциплины. Нами показано, как в Канаде социологию называли «impossible science», а затем вновь признали в академических кругах «наукой». Социология в России все еще страдает от нехватки определенного профессионального «социологического ядра». Понятие «публичная социология» в России и Канаде рассматривается в последнее время как способ улучшить академический статус всей области, а также как возможность улучшить жизнь простых людей. Проблема, которая была выявлена в ходе исследования, заключается в существовании значительно

различающихся в разных странах политических, экономических, культурных и социальных обстоятельств, которые влияют на развитие социологической области. Социологи могут смотреть на свои национальные социологии как на примеры специфических культурных традиций, но также вносят вклад в феномен, который теперь принято называть «глобальной социологией». Обе страны – и Россия, и Канада – обладают значительным наследием, связанным с их историей, и уникальной комбинацией опыта, идей, теорий и методов.

Было проведено сравнение между социологией, основанной на научно-техническом знании, и социологией, основанной на философско-духовном знании. В обоих случаях на передний план были выдвинуты взгляды российских и канадских социологов. В результате сделан вывод о том, что, хотя российские и канадские социологи внесли вклад в социологию, понимаемую в первом смысле, (например, Сорокин и Доусон), наиболее значительные достижения учеными – социологами этих стран были сделаны в социологии, трактуемой как философско-духовное знание. Данное утверждение является спорным и должно обсуждаться в последующих исследованиях и публикациях.

Из диссертации можно сделать ряд выводов. Наиважнейший заключается в том, что единство может быть обнаружено только в многообразии и что можно найти (что иногда и происходит) баланс между научно-технической и философско-духовной компонентами знания. Особенно ярко эта возможность проявляется, если вычленить идеологию эволюционизма из гуманитарной науки, так как эта концепция содержит слишком много идеологического багажа, который мешает рациональному научному диалогу. Также было выявлено, что то, что имеет наибольшее значение для социологии, не считается «научным» с точки зрения естественных наук. На самом же деле, наиболее важным является то, в какой мере социология способна влиять на изменения в жизни людей; иными словами, способна ли она улучшить жизнь общества. Таким образом, даже когда социология обращается к тем же вопросам, что и другие дисциплины, она способна содействовать самопознанию конкретных людей, групп, сообществ, обществ, наций и международных объединений.

Общие подходы, присущие российской и канадской социологии дополняют всеобщие представления в этой области знания, сближают российскую и канадскую социологию, и в то же время отделяют от «Большой четверки». Сравнение со взглядами на социологию стран «Большой четверки», представляющими собой концептуальное и институциональное ядро мировой социологии, открывает возможность рассмотрения альтернативных национальных социологических традиций с целью определения их суверенного вклада в социологию. Выявление способа преодоления разрыва между англо-

американскими и германо-российскими традициями путем фокусирования на социально-гуманитарных и естественных науках, а именно на диалоге между двумя или тремя различными крупными университетскими сферами. Определение платформы, на которой российская социология может вновь войти в состав мировой социологии, и которая, в свою очередь, позволит последней выказать дань уважения российским традициям, - еще один важный результат работы. Соискателю представляется важным утверждение, что даже, если социология и не считается «научной», исходя из стандартов естественных наук, тем не менее, это самостоятельная область академического знания в социально-гуманитарных науках, а также ценный научный инструмент для самопознания общества. Канадская социология представлена в диссертации как «тяготеющая к равновесию / балансу» наука и учебная дисциплина в том смысле, что она сочетает в себе историко-компаративистские и интерпретационные подходы с разнообразием эмпирических данных. Автор уверен, что сделанные выводы открывают широкие возможности для дальнейших исследований и более глубокого анализа социологических тем как на местном, так и на глобальном уровне.

В ходе исследования было выявлено два основных вызова развитию социологии в России и Канаде. Первым стало отношение к «образованию как к бизнесу», то есть гиперкапитализация образования и социологии. Это угрожает подорвать автономию профессиональной социологии. Рыночные отношения могут потребовать, чтобы социология фокусировалась исключительно на неолиберальной капиталистической политико-экономической системе за счет социально-демократической или других политико-экономических систем. Ни российской, ни канадской социологии не следует идти по тропе американизации, а напротив, следует искать способы продвижения за счет собственной уникальной комбинации институций и структур. Вторым вызовом, брошенным социологии, является концепция эволюционизма как объединяющей теории, подводящей черту под всей социологией до настоящего времени.

В будущем российский и канадский академические круги столкнутся с проблемой поиска собственных голосов, которые смогут противостоять этим идеологическим, экономическим и научным несоответствиям.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобразования РФ, в том числе в реферируемых международных журналах, вошедших в список индекса цитирования в социальных науках (Social Science Citation Index):

1. Сандстром Грегори. Global Sociology – Russian Style. Special Edition on «Global Sociology» in *The Canadian Journal of Sociology/Cahiers Canadiens de Sociologie*. Vol. 33, No. 3, 2008. С. 607-629 (на английском языке).

Статьи в сборниках научных трудов и материалы научных и научно-практических конференций:

2. Сандстром Грегори. Развитие Понятия «эволюция» в России и Канаде. Социологическая эпистемология и методология в XXI веке: Материалы первых Ковалевских чтений, под ред. Н.Г. Скворцова, СПб.: Астерион, 2006. – С. 147-152.
3. Сандстром Грегори. The Concept of Evolution in Russia and Canada. Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: Международный ежегодник. Выпуск XXIV, Материалы XXIII сессии Международной школы социологии науки и техники, Санкт-Петербург, Издательство Политехнического университета, 2008. – С. 42-51 (на английском языке).
4. Сандстром Грегори. Pieces of Evolution's Puzzle: A Social-Philosophical Perspective (На английском языке, перевод: Головоломки эволюции: взгляд с позиций социальной философии). *Вестник МГТУ, Труды Мурманского государственного технического университета*, Том. 11, No. 4, 2008 (http://vestnik.mstu.edu.ru/v11_4_n33/articles/01_sands.pdf) – С. 553-562 (на английском языке).

Подписано в печать 19.02.10. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.- печ. л. 1,5.
Тираж 65 экз. Заказ №1416.

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23